

УДК 94 (481):12/13

Лукьянов К.А.

Московский городской педагогический университет

ВОЖДИ И ВОИНЫ НОРВЕГИИ В УСЛОВИЯХ ОФОРМЛЕНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

K. Lukianov

Moscow City Pedagogical University

LEADERS AND SOLDIERS OF NORWAY IN CONDITIONS OF REGISTRATION EARLY FEUDAL MONARCHY

Аннотация. В данной статье раскрывается процесс формирования государственного аппарата в средневековой Норвегии. Автор данной работы детально разбирает различные категории населения, активно участвовавшие в централизации страны, анализирует их сильные и слабые стороны, обозначает цели, стоявшие перед ними, и отмечает результаты их борьбы. Анализируются проблемы и препятствия, стоявшие перед зарождающимся чиновничеством, устанавливается его роль в деле объединения страны и оформления раннефеодального государства.

Ключевые слова: Эпоха Викингов; Эпоха Гражданских войн; лендрманн; конунг; сюсламанн; арменнинг.

Abstract. The article reveals the process of state machinery formation state in medieval Norway. The author assort various categories of the population, who actively participated in the centralization of the country, and analyzes their strong and weak points, designates the purposes they faced, and marks the results of their struggle. While analyzing the problems and obstacles the arising officialdom faced, the author ascertains its role in the processes of the country's integration and the formation of the early feudal state.

Key words: Vikings Age; Civil wars Age; lendrman; konung; suslamann; armenning.

Формирование норвежского государства – длительный и сложный процесс, происходивший в течение многих столетий. Его начальный этап, пришедшийся на конец «Эпохи Викингов», весьма неплохо исследован. Пиковый момент данного явления, происходивший во времена «Эпохи Гражданских войн», получил от историков уже заметно меньше внимания [1; 2; 3; 4]. Время оформления государства – XIII век, на наш взгляд, было обойдено стороной большинством авторов. Число работ невелико [5; 6; 15]. Все это лишает нас целостной картины данного процесса, принижая важность отдельных его этапов.

«Эпоха Гражданских войн» привела к значительным изменениям в норвежском обществе. Одним из ее важнейших результатов было решение целого ряда застарелых политических проблем. Часть из них вела свои истоки со времен «Эпохи Викингов» и первых попыток объединения страны под властью отдельных конунгов-Инглингов. Некоторые появились в процессе усиления власти и влияния хёвдингов из вышеуказанной династии. Коснемся подробнее наиболее значимых и заметных перемен для истории страны. Первая проблема крылась в самосознании конунгов. Лишь начав воспринимать себя как собственников норвежских земель, а не наемников, временно исполнявших обязательства по контракту, они стали по-настоящему держаться за свое место [12, с. 492]. Только ощущение правителя, хозяина позволило им начать активно укреплять свое положение и вкладывать ресурсы в развитие собственной власти. Данный момент сложен в обнаружении, но весьма значим как одна из отправных точек формирования доминирования вождей в обществе. Следующей трудностью, появившейся во многом как результат предыдущей, стал поиск и формирование новых форм

легитимности власти. Для признания конунгом наемного вождя из среды викингов еще в IX в. требовалось лишь согласие тинга, которое не было препятствием ввиду военной мощи такого предводителя. В XII в. ситуация уже была иной. Для тех, кто претендовал на роль полновластного правителя, требовались механизмы легитимации, доказывавшие всем его избранность и уникальность, обосновывавшие окружающим, что только он, единственный имеет право на власть. Благодаря принятию христианства это стало возможным, например, с помощью коронации. Так, «Магнус (Эрлингсон) принял посвящение в конунги от Эйстейна архиепископа в присутствии других пяти епископов, легата и множества священнослужителей. Эрлинг Кривой и с ним двенадцать лендрманнов принесли присягу конунгу» [12, с. 566-567]. Помазаны на престол были и Сверрир [10, с. 122-123], и Хакон Хаконарсон [9, с. 285]. Новые формы, направленные на формирование законности власти, были теснейшим образом связаны с сакральными санкциями, следовавшими в сознании населения в случае нарушения норм. Власть к концу XII в. также стала обосновываться как результат Высшей, божественной воли, а не действий людей [10, с. 42-44]. Такое явление, как присяга, теперь трактовалось как выражение лояльности не только светской власти, но и самому Богу [10, с. 133]. Третьей проблемой, также проистекающей из предыдущей, стало подавление самовластия родовой знати, а также ослабление возросшего во 2-ой половине XII в. влияния церкви [11, с. 301-302]. Ранее такая ситуация создавала конкуренцию трону. Значительное усиление могущества конунга стало одним из итогов создания Сверрирсонами социальной базы из населения, поддерживавшего монархию и заинтересованного в ее процветании. Противостояние этих социальных групп привело к положительным для престола результатам – родовую знать сменила служилая аристократия, вокруг престола сплотились и растущие города [10, с. 147-148], и ведущие церковные иерархи. Для сохранения достигнутых результатов и предотвращения

подобных распрей в будущем Сверрирсоны к середине XIII в. смогли успешно решить и четвертую проблему – вопрос о престолонаследии. (До этого престол «дробился на столько частей, сколько сыновей рождалось от конунга [12, с. 481, 501, 524, 571, 573].) Уже Сверрир завещал трон своему сыну Хакону, поставив себя выше обычая [10, с. 182]. Он не противоречил «заветам» Харальда Прекрасноволосого о переходе власти к сыну конунга, но сделал передачу престола результатом собственной воли, а не исполнения традиции. При Магнусе Исправителе Законов воля конунга уже оформилась в рамки законодательного сборника – «Ландслова» [7, Гл. 14. (II. 3)]. В нем был детально расписан порядок престолонаследия, предотвращавший возникновение кривотолков. Более того, поставив, Магнус сам «дал своему сыну Эйрику титул конунга» [14], вероятно, для большей надежности норвежской монархии.

В результате решения указанных выше проблем стала возможной реальная борьба с сепаратизмом в разных регионах страны. Политические победы власти в конце XII – середине XIII вв. изменили ряд процессов в развитии страны, в частности, раздробленность сменилась нарастающей централизацией. Достаточно вспомнить регионализм сознания конца XII в. [10, с. 60-61] и попытки борьбы с ним в начале XIII в. [11, с. 277]. Именно централизация сделала возможным реальное объединение страны и ее существование в таком виде, вне зависимости от силы или слабости текущих правителей, а за счет крепости созданных социально-политических механизмов, выражающихся в различных общественных институтах. Среди них немаловажную роль сыграл и аппарат управления, без которого было бы невозможным оформление государства.

Зародившись еще в XI в., этот социальный слой претерпел существующие изменения в процессе своего развития. По мере роста власти конунга часть его обязанностей делегировалась его подчиненным: почетные – родовой знати, менее престижные – дружинникам, неприятные – «слугам». Однако даже послед-

ние, имея изначально невысокий авторитет в обществе, обладали определенным уровнем власти. В процессе подчинения престолом многих сторон хозяйственной и общественной жизни населения, круг полномочий конунговых «слуг» стремительно расширился, и в их компетенцию вошло решение множества мелких административных вопросов. На основании этого мы можем охарактеризовать данную социальную группу людей как нарождавшийся аппарат управления. Отметим, что название «слуги», привязавшееся к этим соратникам трона и имевшее еще в XI-XII вв. негативное звучание, к XIII столетию стало восприниматься спокойнее, а общественное презрение сменилось сдержанным почтением. Более того, сюсламанны вошли в состав лиц, участвовавших в принятии ключевых решений и обладавших значительным влиянием на местах, что позволяет рассмотреть их как вождей норвежского общества. Существенно подняли свой статус и управители-арменнинги, и даже гости. Рассмотрим их новые возможности более подробно.

Развал больших патриархальных семей, обеднение бондов, во многих местах приобретающие массовый характер, и внутренние конфликты XII-XIII вв. привели к значительному росту земельной собственности короны. Следствием этого стала потребность в людях, осуществлявших управление и контроль над этими землями, расширившее полномочия арменнингов. Управители XII-XIII веков исполняли два типа функций. Во-первых, они занимались контролем над землями, прочим имуществом престола и отстаиванием хозяйственных интересов конунга на введенной им территории. Арменнинги сдавали внаем земли короны и решали все возникающие вопросы с арендаторами [7, Гл. 140. (VII.7); 144. (VII.11)]. В их ведении была обязанность руководить ремонтом дорог, боевых судов [7, Гл. 177. (VII.44); 35. (III.1)]. Занимались они и обеспечением работы маяков, входивших в систему оповещения о вражеском нападении [7, Гл. 39. (III. 4)].

Второй тип функции, лежавшей на них, – представительские обязанности. От упра-

вителей требовалось посещение судебных тингов, оповещение бондов о необходимости выставления конунгу лошадей, организация суда, содержание подозреваемых в преступлениях до приговора, поиск палача [7, Гл. 2. (I. 2); 51. (III. 15); 75. (IV.21); 229. (IX. 2)]. Как в первом, так и во втором случае управители дополняли сюсламаннов, но, в отличие от последних, специализировались больше на решении хозяйственно-экономических вопросов, а не на обеспечении внутреннего порядка и налоговых сборах. Источником их существования была королевская земля, за управление которой они и имели содержание.

Но не все «слуги» конунга были рассажены по регионам с целью обеспечения контроля над населением. Конунг постоянно нуждался в верных помощниках, находившихся при нем, но в любой момент готовых стать его резидентами в различных частях страны или пополнить состав дружины [10, с. 91, 104, 107]. Будучи молодыми, но бедными юношами, часто иностранцами с Атлантических островов, населенных норвежскими колонистами, гости жаждали закрепиться при дворе и были готовы на многое ради этого. Многие из них занимались решением весьма грязных дел для своего конунга. Например, заказными убийствами [12, с. 504]. Подобные поручения не делали им славы. Не случайно – свидетель их дел (Асбьёрн, сын Йона, соратник и лендрманн Магнуса Эрлингсона) говорил, что гости Сверрира – «худшие из его чертовых слуг», особенно выделяя из них Ульва, сына голодранца, как того, «кто наделал всего больше зла» [10, с. 91]. При этом нужно понимать, что многим гостям жизненно важно было проявлять себя любым способом и доказывать свою верность и полезность конунгу, дабы вырваться из своеобразного «молодежного актива» и поступить на службу в дружину, а если очень повезет – занять место арменнинга или сюсламанна. (При Сверрире, в момент активного формирования новых элит, некоторые из его соратников после победы над ярлом Эрлингом получили даже титул лендрманнов [10, с. 40].) Ради своего будущего они были готовы прервать чужое.

Длительные попытки, сначала Инглингов, а затем и Сверрирсонов, создать работающую систему контроля за населением [12, с. 550] привели к значительной по меркам средних веков централизации страны. Обеспечить это могло только превращение слуг конунга в полноценный аппарат управления. К 2-ой половине XIII в. все крупные торговые сделки или значимые брачные договоры уже проходили под контролем агентов конунга [7, Гл. 209. (VIII.11)]. Аналогичная ситуация сложилась и со строительством боевых кораблей частными лицами, не объявлявшими о «своих намерениях» [7, Гл. 54. (III. 18)]. Конунги, укрепив свое положение к концу «Гражданских войн», стремились всячески задавить любую возможность недовольных организовать согласованное сопротивление. Не случайно их усилия были направлены на установление порядка в приграничных со Швецией лесах – колыбели, где зародилось большинство социальных движений. В «Ландслове» отмечается, что «люди, пришедшие с востока, штрафуются так же, как и живущие в норвежском королевстве, если они охотятся во владениях норвежского короля или промышленяют там» [7, Гл. 193. (VII. 60)]. Потребность в регулировании жизни простых людей коснулись даже стандартизации мер измерения, за функционирование которых стал отвечать местный сюсламанн [7, Гл. 227. (VIII. 30)]. Такие действия власти лишь увеличивали аппарат управления и придавали ему бюрократический характер. К концу XIII в. при дворе Эйрика Магнусона работала уже полноценная канцелярия [8].

Стоит отметить и другой важный момент: существенно увеличивавшаяся социальная группа конунговых «слуг» стала потреблять значительные ресурсы в бедной для них Норвегии. Следствием развития аппарата управления стало усиление эксплуатации рядового населения, что только стимулировало процесс феодализации общества.

Могло ли быть иначе? Маловероятно, ведь все эти люди были нужны престолу для увеличения объемов извлечения прибавочного продукта из производящего его населения

и сохранения такого порядка. Это была неизбежная плата за централизацию страны. Только после ее значительных успехов стало возможным оформление норвежского государства со всеми необходимыми для этого чертами: принуждением производителей существующей за их счет элитой, развитием механизма управления населением [14, с. 279, с. 353], составлением единого для всей страны законодательства и четким ограничением территории [7, Гл. 193. (VII.60)], на которую распространялась власть правителей Норвегии. Государство закрепляло власть вождей, устанавливая их окончательную победу над обществом воинов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. – М.: Традиция, 2009. – С. 151-368.
2. Гуревич А.Я. О некоторых особенностях норвежского феодализма // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. – М.: Традиция, 2009. – С. 371-384.
3. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии // Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 127-340.
4. Закс В.А. Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII-XIII вв. // Скандинавский сборник XX. – Таллин: Ээсти Раамат, 1975. – С. 37-46.
5. История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Гренли и др. Пер. на русс. яз. – М.: Весь Мир, 2003. – 528 с.
6. Кузнецов А.Е. История Норвегии. – М.: Андреева Т.М., 2006. – 535 с.
7. Ландслов Магнуса Исправителя Законов / Пер. текста, общ. ред. и коммент. М.В. Панкратовой. [http:// www. Ulfdalir. Ru/](http://www.Ulfdalir.Ru/) (дата обращения: 20.12.2011)
8. Овечья грамота / Пред., пер. с древненорв. яз., и прим.: Гаврюшина С.М. // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: (К дню рождения О.А. Смирницкой): Сб. научных статей; Отв. ред. Е.М. Чекалина. – М.: МАКС Пресс, 2008. С. 195-206.
9. Сага об Ароне сыне Хьёрлейва // Исландские саги. Т.2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; Стихи

- в пер. А.В. Циммерлинга и С.Ю. Агишева / под ред. С.Ю. Агишева, А.В. Бусыгина, В.В. Рыбакова. – М.: Языки русской культуры, 2004. – С. 246-286.
10. Сага о Сверрире / Издание подготовили: М.И. Стеблин-Каменский и др. – М.: Наука, 1988. – 277 с.
11. Саги о Посошниках // Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф.Б. Успенского А.В. Циммерлинга. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 273-305.
12. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. – М.: Ладомир: Наука, 1995. – 685 с.
13. Тордарсон Стурла. Сага об Исландцах / пер. с древнеисл. языка, общ., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга; науч. ред. В.В. Рыбаков; указатели В.В. Рыбакова и А.В. Циммерлинга. – СПб. : Алетейя, 2007. – 512 с.
14. Тордарсон Стурла. Сага о конунге Магнусе Хаконарсоне (отрывок). Пер. и пред. М.В. Панкратовой. [http:// www. Ulfdalir. Ru/](http://www.Ulfdalir.Ru/)(дата обращения: 18.03.2011).
15. The Cambridge history of Scandinavia. Vol. 1. Prehistory to 1520. / Edited by Knut Helle. Cambridge University Press, 2008. – 884 p.